

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН МОНАСТЫРЕЙ УРАЛА В XVII В.

В статье рассматриваются особенности государственного налогообложения населения монастырей Урала в XVII в. Показана динамика включения уральских монастырей в государственную податную систему. Выявлена номенклатура и размеры государственных налогов у монастырских крестьян в конце XVII в.

Ключевые слова: монастырские крестьяне, монастыри Урала в XVII в., государственные повинности XVII в., сошное письмо.

Круг основных государственных повинностей монастырских крестьян XVII в. давно определен в отечественной историографии, поэтому дальнейший поиск по данной проблематике возможен по пути конкретно-исторических исследований, что успешно сделала Н.А. Горская на материалах монастырей Центральной России [1, с. 326–336]. Аналогичные изыскания проведены В.И. Ивановым в отношении монастырских крестьян поморских монастырей [4, с. 384–472].

Сложность изучения государственного налогообложения крестьян монастырей Урала в XVII в. связана с ограниченными возможностями имеющейся источниковой базы. Сохранился лишь архив Далматовского Успенского монастыря, но в нем содержатся документы в основном XVIII–XIX вв. Источники по истории уральских монастырей в XVII в. – это делопроизводственная документация, отложившаяся в архивах приказных изб, Новгородского и Сибирского приказов. Состояние источниковой базы не позволяет произвести точный учет всех ежегодных разнообразных денежных, натуральных и издельных повинностей монастырских крестьян в пользу государства. Поэтому мы видим свою задачу в систематизации всех сведений о государственных повинностях монастырских крестьян Урала и выявлении региональной специфики в этом вопросе.

В XVII в. Уральский регион не являлся гомогенной территорией во многих смыслах, что было обусловлено динамикой колонизационных процессов. К XVII в. территория Приуралья была полностью включена в государственную систему России, в том числе и в систему взаи-

¹ Манькова Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, ilman.08@mail.ru. Россия, г. Екатеринбург.

моотношений государства и монастырей. Эта территория входила в состав Новгородской четверти и в церковном плане подчинялась архиепископам Вологодским и Великопермским (с 1584 г.), затем — Вятским и Великопермским (с 1658 г.). В Приуралье монастыри появились во второй половине XVI в. Наиболее крупными из них стали Пыскорский Преображенский и Соликамский Вознесенский монастыри. Первый был основан Аникой Строгановым около 1559—1560 гг. Строгановы обеспечили обитель земельными угодьями, крестьянами, соляными варницами. На их средства в обители велось строительство, приобреталось церковное имущество. Монастырь являлся ставропигиальным. Соликамский Вознесенский монастырь был основан посадскими людьми и уездными крестьянами Соли Камской между 1589 и 1591 гг. Большая часть его земельных владений являлась вкладами жителей близлежащей округи [2, 3, 5, 6].

В Зауралье монастыри появились в первой половине XVII в.: Верхотурский Николаевский — в 1604 г., Невьянский Богоявленский и Туринский Николаевский — в 1621 г., Далматовский Успенский — в 1644 г. Эта территория находилась в ведении Сибирского приказа, а по духовным делам подчинялась архиепископу Сибирскому и Тобольскому². Складывание и развитие их вотчинных хозяйств в основном пришлось на вторую половину XVII в.

Западно- и восточно-уральские монастыри оказались в зонах, в отношении которых осуществлялась разная налоговая политика в первой половине XVII в. Приуральские земли были положены в сошное письмо и таким образом включены в общероссийскую систему налогообложения. В Сибири процессы землеустройства были далеки от завершения, заселение края только приобретало массовый характер. Главной задачей сибирских администраторов Верхотурско-Тобольского района было увеличение сборов хлеба, который шел на обеспечение сибирских гарнизонов. Очевидно, региональные особенности в налогообложении в первой половине XVII в. должны были отразиться и на монастырях. Попытаемся это выяснить.

Сохранившиеся тексты жалованных грамот Пыскорскому Преображенскому монастырю конца XVI — начала XVII в., 1673 г. дают возможность проследить, как менялась государственная стратегия налогообложения самого крупного из уральских монастырей в процессе освоения края³. Грамоты 1588, 1589, 1592, 1594, 1619 гг. были адресованы властям Орла-городка, Соли Камской, Чердыни, Перми Вели-

² Сибирская и Тобольская епархия образована в 1620 г.

³ Тексты грамот сохранились в составе копийной книги Пыскорского Преображенского монастыря XVII в. (Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338.). Опубликованы А. Дмитриевым по рукописи XVIII в. [3, с. 236—247] и В. Шишонко [8, с. 375 — 377; 9, с. 1008—1035].

кой, но в конце каждой из них указывалось сделать с нее копию и передать в монастырь⁴. На содержание этих грамот опирались при составлении жалованных грамот 1627 и 1673 гг. Они включали описания монастырских владений с границами, решения по земельным спорам, несудимую и тарханную части. Грамоты являлись ответами на челобитные пыскорских старцев.

В 1580–1590-е гг. местное население и администраторы предпринимали попытки включить монастырские владения в уездную раскладку государева тягла, брать оброки за соляные варницы, мельницы и рыбные ловли. Так, в 1587/88 г. без царского указа в монастыре было взято 10 лошадей с саями, проводниками и запасами для доставки сибирских воевод и стрельцов. В монастырь вернулись только проводники, монахи оценили свой ущерб в 60 руб.⁵ После обращения братии к царю появилась царская грамота от 17 декабря 1588 г., в которой запрещалось монастырских крестьян «к Орловскому посаду в сотни и тягла тянуть и всяких податей с них имать до нашего указа...», а дано «то им на монастырское сооружение и на ладан, и на свечи, и на вино церковное» вместо руги⁶. Также запрещалось брать в монастыре подводы для проезда в Сибирь или обратно кроме «ратново дела большово» и то лишь по именному указу. Эти запреты были повторены в грамотах 1592, 1594 и 1619 гг. Но в последней содержалось поручение воеводе Орла-городка описать монастырскую недвижимость, доходы и расходы, численность братии, т.е. центральная власть хотела иметь представление о реальном состоянии монастыря, а не только руководствоваться рассказами монахов об их бедственном положении.

Основу владений монастыря составляли вклады семьи Строгановых. От сыновей Оники Строганова обитель получила двор на посаде Соли Камской, пашню и уголья около монастыря. В 1578/79 г. писец И. Яховнов закрепил эти владения за Пыскорским монастырем. Согласно этой переписи, около монастыря размещалась слободка, в которой было 13 крестьянских дворов, 32 четверти монастырской пашни, 12 четвертей крестьянской пашни, 16 четвертей перелога в одном поле. Земля значилась «худой»⁷. Монастырские владения были занесены в сотную грамоту Никиты Строганова в Орловском уезде. По поводу этих владений монахи писали царю, что они «те пашни и починки пашут собою и питающа от своих трудов», а государственные подати за них платил Н. Строганов по сотной грамоте «для их убожества»⁸.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338. Л. 8–26, 34–38. Эти грамоты (кроме грамоты 1589 г.) были опубликованы А. Дмитриевым [3, с. 236–247].

⁵ Там же. Л. 8–13.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 3–7.

⁸ Там же. Л. 23–26.

В начале 1620-х гг. на территории Приуралья и Западной Сибири, также как и по всей стране, была проведена перепись населения. По мнению Н.В. Устюгова, это было сделано с целью «привести обложение прямыми налогами в какое-то соответствие с платежными силами населения» [7, с. 64]. Поэтому в задачу переписчиков входило не только выявление всех тягловцев, но и описание их хозяйственных ресурсов.

Согласно писцовой книге М. Кайсарова 1623/24 г., у Пысковского монастыря была монастырская слободка, в которой были монастырский двор, двор для служек, дьяческий двор, 20 дворов беспашенных крестьян, бобыльский двор, «а людей в них то ж», пустой двор, 3 дворовых места, 36 четей с осминой «худой» монастырской пашни. Это описание было включено в писцовые книги Строгановых. В 1624 г. братия попросила дать им выпись на их владения «с новых писцовых книг оприч строгановских земель». Этот документ понадобился старцам, чтобы отстаивать свои права на земли в спорах с посадскими людьми Усолья Камского и крестьянами Зырянского погоста⁹. Поэтому в это описание не попали владения монастыря, например, в Кайгородском уезде [2, с. 119–120].

Одновременно с проведением переписи начался пересмотр старых жалованных грамот духовенству Московского государства. 28 августа 1627 г. была выдана новая жалованная грамота Пысковскому Преображенскому монастырю, а 9 сентября 1628 г. — Соликамским Вознесенскому мужскому и Архангельскому женскому монастырям [Опубликованы: 8, с. 284–286, 376–377]. Согласно этим жалованным грамотам, население монастырских вотчин освобождалось от казенных повинностей кроме ямских денег, дачи стрелецких хлебных запасов, городского и острожного дела. Эти повинности они должны были выполнять «по писцовым и по дозорным книгам с живущаго с сошными людьми вместе» [8, с. 284 – 286, 376–377]¹⁰. До писцовых книг 1623/24 г. монастыри не были включены в раскладку государственных налогов, поэтому необходимо было определиться с их объемом. Пысковские старцы просили, чтобы с них брали за стрелецкие хлебные запасы «на Москве с живущево крестьянские пашни, а ямские денги велеть с них брать против подмосковных городов по четвертям, розверстав крестьяны против иных монастырских земель, а которую пашню пашут их монастырские детеныши про монастырский обиход и с тою бы пашни наших никаких податей имати на них не велети»¹¹.

В грамоте от 14 октября 1628 г., присланной в ответ на просьбу старцев, приведены расчеты размера повинностей Пысковского мо-

⁹ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338. Л. 63–64.

¹⁰ Жалованная грамота Соликамского Вознесенского монастыря 1628 г. также сохранилась в копии XIX в.: Государственный архив Пермской области (далее ГАПО). Ф. 321. Д. 35. Л. 1–12.

¹¹ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338. Л. 96–100.

настыря в зависимости от размера крестьянской запашки. Эти расчеты представляют интерес, поскольку существовало большое разнообразие в размерах «сохи». В этой грамоте было определено, что за стрелецкие хлебные запасы монастырские крестьяне будут вносить деньги. В «сошное письмо» было положено «крестьянской пашни живущего» 45 четвертей с осьминой, это получалось «полполполтрети сохи без четырех чети с осьминой». Из расчета, что с «сохи» бралось 90 руб., Пыскорский монастырь должен был платить 3 руб. 12 алтын с полу-четвертью деньги в год. Арифметические действия с этими данными показывают, что расчет платежа был сделан исходя из размера сохи около 1219 четвертей. С учетом того, что у монастыря земля была «худая», то этот размер сохи сопоставим с «большой московской сохой» на служилых землях [7, с. 62]. При определении размера повинностей Пыскорского монастыря была использована комбинированная методика расчетов. Если стрелецкие деньги были рассчитаны, исходя из поземельной сохи, то при расчете ямских денег использовалась «подворная соха». Монастырь должен был платить ямские деньги по 13 руб. 63 коп. ежегодно. Размер ямских денег более чем в 4 раза превышал налог за стрелецкие хлебные запасы. В грамоте эта сумма обоснована таким образом: «с чети пашни по 10 алтын для того в московских городех по писцовым книгам ныне в монастырских в вотчинных землях кладено в сошное письмо в живущее по 3 двора крестьянских и бобыльских»¹². В общей сложности Пыскорский монастырь должен был платить ежегодно 17 руб. с «полшесты денги» самостоятельно в Новгородскую четверть «безпереводно». Из приведенных выше материалов видно, что при расчетах податей фигурирует понятие «живущее». По мнению Н.В. Устюгова, «живущая» четверть была введена правительством в дополнение к сошному письму для расчетов между отдельными плательщиками, особенно мелкими в 1630-е гг. [7, с. 63]. Грамота 1628 г. о размерах казенных податей, взимаемых с Пыскорского монастыря, свидетельствует о том, что на практике «живущее» использовалось в расчетах налогов уже в конце 1620-х гг.

Из документов начала 1660-х гг. известно, что с вотчин приуральских монастырей собирали полоняничные деньги и даточных людей в конные полки. Так, в 1660 г. со 160 дворов Пыскорского, Соликамского и Чердынского монастырей необходимо было взять 5 конных служилых с оружием и запасами и 10 руб.¹³ В то время у Пыскорского монастыря было 98 дворов, у Соликамского монастыря — 43 двора, а одного даточного брали от 50 дворов¹⁴. В 1662 г. на р. Сылве сильно пострадали от татарско-башкирского бунта Воздвиженская пустынь

¹² Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338. Л. 99–100.

¹³ АИ. Т. 4. СПб., 1842. С. 294–295.

¹⁴ Там же.

Соликамского монастыря и Рождественская пустынь Пыскорского монастыря, и в первой из 25 дворов уцелели только 4 двора. В 1665 г. соликамские старцы обратились с челобитной, в которой просили брать полоняничные деньги и даточных людей только с уцелевших дворов. Их просьба была удовлетворена¹⁵.

У зауральских Верхотурского Николаевского и Невьянского Бого-явленского монастырей также возникали проблемы с местными администраторами на почве сбора государственных повинностей. Дело в том, что эти обители появились в условиях, когда колонизационные процессы на этой территории только набирали силу, еще было много свободной земли, поэтому миграционная активность земледельческого населения была весьма высокой. Монастыри испытывали большие трудности в заселении своих владений. В Зауралье монастырские вотчины в основном формировались за счет государственных пожалований. Таким образом, государство, с одной стороны, обеспечивало молодые монастыри источниками существования, а с другой, использовало духовные корпорации для освоения региона. На всей территории Западной Сибири хлебная и денежная руга была назначена только трем мужским монастырям — Верхотурскому, Тобольскому и Тюменскому, но с расчетом только на 12 монахов.

В первые десятилетия своего существования зауральские монастыри решали проблему обработки земель своими силами и нанимали половников. Как правило, в половники шли гулящие люди, они селились в монастыре по порядной записи на урочные годы, по истечении которых могли покинуть монастырь. От монастыря половники получали подмогу и семена. С 1623/24 г. с половников сибирских монастырей стали собирать выдельный хлеб (пятый сноп) в государеву казну. Эти нововведения были частью реформы тобольского воеводы Ю. Сулешова, целью которой было увеличение поступления хлеба в казну. Половники оказались под двойным обложением — монастыря и государства, что крайне затруднило призыв половников в монастырские хозяйства. В 1627 г. верхотурские старцы жаловались на злоупотребления выдельщиков, которые записывали выдельный хлеб с половников «по угаду», после же умолога получалось, что с них отходило в государеву казну больше половины урожая. Также денежным оброком были обложены монастырские служки, поэтому «в монастыре служки не держатся». Братия Верхотурского монастыря просила освободить их от оброка, а выдельный хлеб с половников собирать «на поле, считаячи по снопам». Кроме того, в 1625/26 г. половники Верхотурского Николаевского монастыря были переселены на государственные земли в Нейвинскую волость. Царской грамотой от 25 октября 1627 г. запрещалось забирать из Верхотурского монастыря половников до истечения урочных лет, предписывалось собирать с них

¹⁵ ГАПО. Ф. 321. Д. 51. Л. 43 об.—46.

выдельный хлеб «на полях снопом, а не окладом и не в гумнах». Также этой грамотой от оброка освобождались слуги, которые были в монастыре «изстари в слугах или в детенышах, а не гулящие и не наемные люди». Эти распоряжения распространялись на другие сибирские монастыри. Описанный в грамоте порядок сбора выдельного хлеба касался и других категорий тяглого населения¹⁶. Очевидно, через какое-то время Верхотурский монастырь добился освобождения своих половников от уплаты выдельного хлеба и получил жалованную грамоту. Наемные работники из гулящих людей платили гулящий налог.

С аналогичными проблемами столкнулся Невьянский Богоявленский монастырь, но спустя 15 лет¹⁷. В челобитной 1642 г. невянские старцы писали: «А что, государь, у нас, нищих, и у монастырских жилчишков на наших монастырских пашнишках хлеба родитца, что они пашут на монастырь, и с тово, государь, пятинщики тебе, государю, хотят с нас, нищих, выделять пятаю долю, имать. А жилчишков наших, кои вне монастыря по дворишкам живут, и начальники, государь, хотят их тебе, государю, имать в пашенные крестьяне и на Верхотуре в торговые и в посадные люди»¹⁸. На обороте этой челобитной есть резолюция: «Дать грамоты в Тоболеск — буде у тех у пустынных старцов с их монастырских пашен наперед сего пятаво снопа имано, и с ыных монастырей с монастырских пашен и с половников их выделу не имать же, и с них против иных также имать выделу не велел, и бобылей их, которые у них в работе живут, отнимать у них и в слободы сажать не велеть же насильством, а сажать и прибирать в слободы охочих всяких волных людей»¹⁹. Таким образом, позиция центральных властей в отношении налогообложения монастырских половников была основана на том, что собственная монастырская запашка не подлежала налогообложению.

Нами не найдено документов, свидетельствующих о сборах государственных повинностей с монастырского населения Сибири до 1680 г. Можно предположить, что таких сборов и не проводилось. Относительно молодые урало-сибирские обитатели, с большим трудом заселявшие пожалованные им земли, до введения подворного налогообложения не были включены в общегосударственную налоговую систему. Возможно, крестьяне, поселяясь на монастырских землях и получая освобождение от монастырских повинностей на определенный срок, получали льготу и от государственных повинностей. До переписи 1680 г. шел активный процесс заселения монастырских вотчин.

¹⁶ АИ. Т. 3. СПб, 1841. С. 239–240.

¹⁷ Невьянский Богоявленский монастырь был основан позже Верхотурского Николаевского монастыря на 17 лет.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 65. Л. 93–99.

¹⁹ Там же. Л. 93 об., 94 об.

После введения нового принципа налогообложения в 1679 г. с крестьян Пыскорского и Соликамского монастырей ежегодно стали собирать стрелецкие деньги по 1 руб. с двора. По писцовым книгам 1678/79 г. в вотчине Пыскорского монастыря числилось 274 крестьянских двора, а у Соликамской обители — 74 двора. В счетном списке прихода и расхода денежной казны Соликамска при воеводе С. Кондыреве²⁰ от 24 января 1682 г. отмечено, что «московских приказов стрельцам на жалованье» на 188 (1679/80) — 190 (1681/82) гг. с вотчины Пыскорского монастыря ежегодно собиралось по 274 руб. Монастырь вносил всю сумму единовременно. В 1680 г. эти деньги были отправлены в Стрелецкий приказ вместе с прочими уездными сборами. В 1681 и 1682 гг. монастырь сам организовал доставку этих денег в Москву²¹. Очевидно, Соликамскому Вознесенскому монастырю было сложно платить всю сумму стрелецких денег единовременно. Согласно счетному списку 1682 г., на 189 (1680/81) г. и 190 (1681/82) г. сумма была разделена на два платежа по 37 руб. По мере поступления деньги отсылались в Стрелецкий приказ. В 1681 г. это было сделано 15 января и 18 июня²². В конце 1681 г. воевода С. Кондырев, видимо, уже готовился к переводу на новое место службы, поэтому провел сбор стрелецких денег на 190 (1681/82) г. в декабре 1681 г. Тогда от Соликамского монастыря поступила только половина суммы — 37 руб.²³ Очевидно, со временем соликамские старцы добились уменьшения размера сбора стрелецких денег с 1 двора до 90 коп. Такая сумма фиксируется по документам 1685 г.²⁴ Н.В. Устюгов обратил внимание на общую тенденцию пересмотра размера оклада стрелецкой подати в сторону уменьшения, поскольку с самого начала она оказалась тяжелой для плательщиков, стали копиться недоимки [7, с. 66].

К 1684/85 г. выяснилось, что во время составления переписных книг 1677/78 г. вотчина Соликамского Вознесенского монастыря оказалась внесена переписчиком Ф. Бельским в переписные книги Соликамского уезда, а переписчиком Д. Жуковым — в переписные книги Кунгурского уезда. С монастырских старцев стали «править» стрелецкие деньги еще и на Кунгуре. В 1684/85 г. они обратились с просьбой не брать с них этой подати по книгам Д. Жукова, поскольку они платили в Соликамске. Просьба была удовлетворена²⁵.

²⁰ С.Т. Кондырев был соликамским воеводой с 8 декабря 1679 г. по 24 января 1682 г.

²¹ ДАИ. Т. 9. СПб., 1875. С. 193, 194.

²² Там же. С. 197, 198.

²³ Там же. С. 198.

²⁴ ГАПО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 35. Л. 74.

²⁵ Там же. Л. 74–81.

С крестьян зауральских монастырей собирали поворотные деньги. Согласно «Книге поворотным деньгам, что собирали для подъема ратных людей» 1688/89 г. этот налог составлял 60 коп. с двора. Общая сумма сбора не указывалась заранее и не раскладывалась по числу дворов, зафиксированному в переписи 1680 г. Налог взимался с реального количества дворов, а именные списки дворовладельцев, сдавших и несдавших налог, отсылались в Сибирский приказ. Так, в 1688/89 г. в Невьянском монастыре с 82 крестьянских дворов (в переписи 1680 г. — 96 крестьянских дворов) было собрано 49 руб. 20 коп., «а не добрано против прошлого 196 г. с 8 дворов 4 руб. 26 ал. 4 д. (4 руб. 80 коп. — *И.М.*), для того, что те крестьяне 3 человека умре, а 5 человек бежали»²⁶.

В Верхотурском Николаевском монастыре отчет о сборе «поворотных денег» был составлен по деревням. В двух дворах деревни Лошкиной на реке Тагиле не было дворовладельцев, так как «Сенка Трухин в прошлом в 196 г. с монастырских крестьян выстал, из двора вышел и в его место никого нет, двор стоит пуст», а Алексей Иванов бежал в 1687/88 г. Поэтому налог было взять не с кого. Тем не менее, в итоговой сумме были учтены и эти два двора и как бы взятые с них «поворотные деньги». Возможно, это ошибка составителя отчета. Вряд ли монастырь взял на себя уплату за выбывших крестьян (в противном случае это должен был сделать и Невьянский монастырь). Согласно документу, на 1688/89 г. в Верхотурском Николаевском монастыре налог был собран с 49 дворов (в переписи 1680 г. — 47 дворов) в размере 29 руб. 58 коп.²⁷

Приходо-расходные книги конца XVII — начала XVIII в. фиксируют вариативность в наименовании этого налога. Так, в книгах Верхотурского Николаевского монастыря он назывался «подымные деньги», в книгах Невьянского Богоявленского монастыря — «поворотные годовые деньги». Также в этих документах зафиксированы единичные случаи, когда крестьяне платили «подымные» («поворотные») деньги в монастырскую казну²⁸. Скорее всего, эти платежи были крестьянскими долгами, которые могли возникнуть в тех случаях, если монастырь вносил необходимую сумму государственного налога к установленному сроку за всех крестьян, а затем уже собирал недоимки в свою казну, либо крестьяне брали деньги в долг у монастыря, чтобы погасить именно этот государственный налог.

Сохранившаяся книга верхотурских уездных окладных доходов за 1698/99—1699/1700 гг. позволяет выявить общую сумму окладных денежных налогов на 1 двор монастырского крестьянина в Верхотурс-

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 914. Л. 21—24.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 853, 1191, 1235.

ком уезде²⁹. Скорее всего, в Тобольском уезде она была такой же. «Поворотные деньги» оставались в том же размере — по 60 коп. с двора, в то время как с государственных крестьян взималось по 50 коп., а с посадских людей «для полковых служб» собирались «десятые деньги», т.е. 1/10 стоимости «пожитков». В указанные годы эти деньги шли на Крымский поход.

В качестве государственной повинности посадские люди, государственные, митрополичьи и монастырские крестьяне возили различные припасы «к городовому и ко всякому государеву каменному строению». «Да они ж, — как отмечено в той же книге окладных доходов, — вместо ямщиков гонят ямские подводы в тех городех, где ямщиков нет». Там же, где была ямская служба, был установлен сбор «на жалованье ямщикам»: с 1 двора митрополичьи и монастырские крестьяне платили по 6 коп., государственные крестьяне — по 5 коп. Также стал регулярным для всех категорий податного населения налог «драгунам на жалованье». Посадские люди и государственные крестьяне платили по 30 коп. с двора, а митрополичьи и монастырские крестьяне — по 50 коп.

Всего ежегодно государственных окладных денежных повинностей по указанным статьям приходилось на 1 двор митрополичьих и монастырских крестьян по 1 руб. 16 коп., а государственных крестьян — 85 коп. Необходимо отметить, что с последних (как и с посадских людей) взимались дополнительные окладные денежные налоги, например, на судовые припасы или в Золотую палату³⁰. По подсчетам В.И. Шункова в начале XVIII в. ежегодные денежные сборы с черносошных крестьян Верхотурско-Тобольского района составляли 94 коп. с двора [10, с. 175]. Конечно, эти суммы необходимо воспринимать как средний показатель, так как крестьянский мир всегда регулировал раскладку повинностей в зависимости от состоятельности дворовладельцев.

Необходимо учитывать, что крестьяне зауральских монастырей выполняли значительный объем работ в пользу Софийского архиерейского дома. Например, в 1670–1690-е гг. крестьяне Невьянского Богоявленского монастыря изготавливали известь на строительство митрополичьего каменного двора и соборной церкви. При митрополите Игнатии Невьянский монастырь отправлял к нему ежегодно по 5 крестьян «на всякие дворовые поделки»³¹. Также крестьяне выполняли большое количество различных работ в пользу самого монастыря помимо уплаты «пятого снопа» со своей запашки. Поэтому когда в 1693/1694 г. пришло распоряжение отправить невянских крестьян на строительство укреплений Верхотурья, они подали челобитную с просьбой освободить их от «городовой работы». Из строительных городских книг

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1354.

³⁰ Там же. Л. 251, 405 об.

³¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 23. Л. 161.

была сделана выписка: выяснилось, что крестьяне Невьянского монастыря ранее не привлекались к городскому строительству. Царским указом от 30 мая 1694 г. они были освобождены от этих работ³².

Н.А. Горская составила перечень основных окладных налогов монастырских крестьян в 1679–1700 гг., в нем 5 наименований и лишь одно (ямские деньги) совпадает с отмеченными выше из документов зауральских монастырей [1, с. 332]. Выскажем предположение, что различия в номенклатуре государственных повинностей крестьян монастырей Центральной России и Зауралья объясняется тем, что из-за дальности расстояния в Сибири собирали объединенный налог, а именно «поворотные» деньги.

Таким образом, на начальных этапах освоения Приуралья и Зауралья прослеживается общая тенденция в стремлении местных администраторов и тяглого населения включить монастырские земли в систему государственного налогообложения, однако центральные власти стояли на защите интересов молодых монастырей, предоставляя им освобождение от налогов в период становления монастырских хозяйств, пока они не становились устойчивыми источниками существования обитателей. Монастыри Приуралья были включены в общегосударственную податную систему с 1628 г. С введением подворного налогообложения в 1679 г. монастырские крестьяне Зауралья также заняли свое место в этой системе. В конце XVII в. региональная специфика отражалась лишь на методике сбора налогов.

Литература

1. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977.
2. *Дмитриев А.* Пермская старина. Вып. 1. Пермь, 1889. 198, I–IV с.
3. *Дмитриев А.* Пермская старина. Вып. 2. Пермь, 1890. 248, I–VIII с.
4. *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII вв. СПб., 2007.
5. *Словцов И.* Пыскорский Преображенский монастырь // Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1867. № 12–15, 21, 24, 25, 27.
6. *Словцов И.* Соликамско-Истобенский Свято-Троицкий третьеклассный монастырь // Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1889. № 51, 52.
7. *Устюгов Н.В.* Экономическое развитие Русского государства в XVII в. и проблема складывания всероссийского рынка // Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974.
8. *Шишонко В.* Пермская летопись. Период 2. Пермь, 1882.
9. *Шишонко В.* Пермская летопись. Период 3. Пермь, 1884.
10. *Шунков В.И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974.

³² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 23. Л. 165.